

АЛЕКСАНДР ЧИСТЯКОВ

ПУТЬ ЖЕЛЕЗЯКИ

Александр Чистяков

Путь железяки

<https://litres.ru/73268853>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть моменты, когда жизнь перестаёт идти по привычному сценарию. В такие точки человек попадает не по плану - но именно там принимает самые важные решения.

"Путь Железяки" - это история о том, что происходит дальше. Когда уже нельзя "отмотать назад". Когда остаётся только идти вперёд и заново собирать себя.

Кризис. Давление. Система. СИЗО. И внутренняя точка, в которой становится ясно: опора теперь только внутри.

Эта книга не про обстоятельства - она про выбор. Про то, как меняется мышление, когда прежние стратегии больше не работают. Про ответственность, которую невозможно переложить.

Ironman здесь - не цель и не спорт. Это модель пути: последовательность действий, где каждый шаг - решение не остановиться.

Это честная история без прикрас о том, как человек проходит через сложный период и выстраивает новую точку опоры.

Если вам близки темы внутренней свободы, преодоления и поиска себя - эта книга может оказаться неожиданно личной.

Александр Чистяков

Путь железяки

Предисловие

Эта книга целиком и полностью пропитана теплыми, иногда грустными, порой даже жестокими, но всегда живыми воспоминаниями. Каждая страница дышит прошлым, словно старый фотоальбом, который бережно хранит запечатленные моменты. Некоторые из этих воспоминаний, иногда перед отходом ко сну, терзают мою душу. Но я к этому привык. И это даже хорошо, что они терзают меня, значит, я извлек из них некий урок.

Я постараюсь сохранить эту искренность до конца. Моя история – это не сказка об успехе. Это правда о человеке, который оступился, нашел отражение своей души в другой и теперь отчаянно пытается построить что-то настоящее, используя в качестве фундамента уроки прошлого и дар настоящего. Все без прикрас, без попыток казаться лучше, чем я был, без сокрытия темных сторон. Только правда, какой бы горькой она ни была.

Иначе текст станет неинтересным и посредственным, просто набором слов. Я очень постараюсь этого не допустить,

выложу душу наизнанку, откровенно и честно. Всё на ваш суд, дорогие читатели!

Пусть эта история тронет ваши сердца и заставит задуматься. О жизни, о том, что вас окружает. Может быть, после прочтения этих строк вы захотите что-то изменить в своей жизни? Ведь даже после самой глубокой тьмы гармония, обретенная в другом человеке, может стать началом самого светлого пути.

Книга посвящается всем тем, кто встречался на моем пути. Эти люди показывали мне на своем опыте (иногда сами того не осознавая), как нужно жить и как не допустить ошибок.

Слушал ли я их? Наматывал на ус? Честно говоря, когда-как. А однажды я и вовсе оступился на краю и с ужасом провалился в темный, глубокий-глубокий колодец, откуда самостоятельно выбраться, казалось, не представлялось никакой возможности.

Но, к счастью, меня вовремя вытащили. Рука, на первый взгляд изящная и хрупкая, протянутая в тот момент отчаяния, не дала мне утонуть в болоте саморазрушения.

И в тот момент, словно очнувшись от кошмарного сна, я с наивной детской уверенностью вдруг понял, что мир всё-таки состоит в основном из добрых и отзывчивых людей, готовых прийти на помощь в трудную минуту, если ты сам не опустишь руки и не перестанешь бороться.

«Человек должен хоть раз в жизни оказаться в крошечной глуши, чтобы физически испытать одиночество, пусть даже задыхаясь при этом от скуки, почувствовать, как это – зависеть исключительно от себя самого, и в конце концов познать свою суть и обрести силу, ранее неведомую».

– Джек Керуак

Пролог

Однажды тихим летним вечером я сидел на веранде с чашкой чая и любовался закатом. Он медленно окрашивал небо в багряные и золотые тона. Вдруг я ощутил какой-то странный, но приятный прилив вдохновения. И меня осенило, словно луч света пробился сквозь облака: «А напишу-ка я книгу! Почему бы и нет?»

Это будет простая история одного простого парня. История, которую я прожил. Без прикрас, без выдумки, так, как

было на самом деле. Пусть эту книгу прочтут мои любимые дочки – Ангелина и Елизавета. Пусть эту книгу прочтут, возможно, отчаявшиеся люди, которые не знают, чем заняться в жизни. Ведь кажется, что вроде бы и карьера построена, и быт налажен. Но чего-то всё равно не хватает. Хочется найти хобби, настоящее дело, которое наполнит жизнь смыслом.

А где его искать? Хобби или дело всей жизни может найти вас совершенно случайно. Вот идёте вы осенним утром по улице, погруженный в свои мысли, и вдруг ни с того ни с сего опускаете голову и обращаете внимание на ярко-красные, жёлтые, оранжевые листья, ковром лежащие на асфальте... И в этот простой момент может зародиться новая страсть.

Вы наклонитесь и подберете сначала один листочек, потом второй и третий. Так у вас получится небольшой, но яркий букет, который вы отнесете домой и поставите в вазу. Вы заметите, что такой элемент декора очень подходит к интерьеру комнаты. И тогда вы решите: а что, если пойти в этом направлении? Что, если вам и дальше собирать не только осенние листья, но и еловые ветки, шишки, ягоды, создавая целые композиции из даров природы? И ваши композиции вскоре будут хвалить и просить сделать еще. А вы будете рады и будете знать, что вот оно – мое призвание!

Я люблю лето. Жару, беззаботность, длинные дни и короткие ночи. Я стараюсь часто выходить на пробежку – это моё железное правило, которому я уже много лет благодушно подчиняюсь. Я бегу по кромке прибоя, по мягкому песку, подставляя лицо ласковому морскому бризу, и размышляю. О чём? О том, что в моей жизни было много падений. Моментов, когда казалось, что дно пробито и выбраться уже не получится. А я выстоял, как и многие из нас, героически встречавшие трудности лицом к лицу. Как я с ними справился? Сейчас я вам расскажу. Да, моя история довольно банальна. В ней нет феерических подвигов или

невероятных

чудес, но она обязательно должна послужить кому-то уроком. Думаю, моя история найдёт отклик у многих и заставит задуматься. А может и западет в душу, кто знает? Ведь, как говорится, чужой опыт – тоже опыт. И иногда он может уберечь от больших ошибок.

Утро воскресенья. У меня по плану очередная пробежка. Я невольно остановился, чтобы отдышаться, и оглянулся назад. Я увидел приближающегося ко мне парня – мою точную

копию. Только гораздо младше. У него сигарета в зубах, в рюкзаке за спиной, я уверен, была пара банок алкоголя. Все-таки город Сочи пестрит всеми цветами радуги. Вокруг – музыка, смех. Хочется усесться на берегу моря и пить пиво, наслаждаясь морской гладью. Но, честно говоря, я бы предпочел какой-нибудь фреш. Как вы поняли, у меня в руке была лишь минералка. Глядя в глаза этого парня, я вспомнил о том, что, можно сказать, растерзало мое сердце. Вспомнился мне и герой книг Харуки Мураками. Безымянный рассказчик, который захаживал в «Джейз-бар», заказывал кружку пива, выпивал ее ровно

на два пальца и далее болтал с барменом. И в чем был смысл этих разговоров? Смысла особо, может, и не было. Но зато была душевность, что-ли? А персонаж Крыса? У этого парня было все: деньги, дом в Хоккайдо. Живи, как хочешь, делай, что хочешь. Но я думаю, что многие помнят, что в итоге из этого получилось... Мне кажется, это был понятный исход для данного персонажа. Но, так или иначе, с какими бы ты трудностями ни столкнулся, тебе надо танцевать, пока играет музыка. А даже если музыка стихнет, все равно танцевать. Ведь жизнь это и есть танец. Иногда это страстное танго. Иногда вальс или медленный танец. А иногда ты танцуешь, как сломанная кукла.

Я улыбнулся. Парень тоже улыбнулся мне и исчез. Растворился словно пепел на ветру. Я еще немного постоял, подышал летним воздухом и побежал дальше. Воспоминания захватили мое сознание, я пытался прогнать их прочь, но ничего не получалось. Я Железяка. Мне сорок восемь лет. Я владелец отеля, имею свою клиентскую базу, чем очень горжусь. Ко мне в Сочи приезжают как одинокие люди, так и семьи. Мой отель расположен вблизи моря, что очень нравится постояльцам. Они частенько

выходят искупаться или посидеть на берегу с бутербродами, фруктами или просто соком – или еще чем покрепче. Мне нравится наблюдать за гостями, думать, размышлять.

Вот совсем недавно заехала к нам молодая девушка, как мне показалось, она была подавлена. Пару дней почти не выходила из номера – разве что до ближайшего магазинчика. Иногда слонялась по пляжу, то в сланцах, то босиком. Падала на песок, открывала тетрадку и что-то старательно писала, затем, видимо, перечитывала написанное. А потом с яростью вырывала листы, сминала их и запихивала в карман шорт.

У нее явно что-то случилось. Может, творческий кризис? Может, какие-то душевные переживания блокировали ее поток фантазии. Но спрашивать не стал, ведь неприлично лезть

к незнакомому человеку в душу. На следующий день картина на пляже снова повторилась. Я увлеченно решал рабочие задачи и, когда закончил, решил снова взглянуть в окно. Наша вчерашняя гостя все так же увлеченно что-то чиркала по бумаге, и на ее губах то и дело появлялась легкая улыбка. Я тоже невольно улыбнулся и отправился встречать

новоиспеченных постояльцев. Я уже и позабыл про ту девушку, пока она неожиданно не появилась на стойке ресепшена.

– У вас замечательный отель, – сказала она, вернув ключи от номера.

Я оторвал взгляд от компьютера и с улыбкой поблагодарил девушку. Я и забыл, что время ее пребывания уже истекло. Иногда постояльцы настолько приятные люди, что и отпускать их совсем не хочется.

– Воздух, море. Вот что мне было нужно! Благодаря этой атмосфере я закончила свою книгу!

– Очень рад, что вы погрузились в нужный поток мыслей. Поздравляю! Надеюсь, ваша книга станет бестселлером!

Поблагодарив меня, она еще раз улыбнулась и отправилась к выходу. Ее чемодан, казалось, был больше нее самой, что выглядело забавно. Ой, что-то я совсем забыл...

– Девушка! – окликнул я ее.

Она обернулась, вопросительно вскинув бровь.

– Я забыл спросить название вашей книги. Как же я потом ее найду?

– «Время, назад!»

– «Всё разделилось вокруг, на чужое и наше...» – бодро пропел ей я.

Она, хихикнув, заверила, что книга называется именно так, помахала мне рукой и скрылась из виду. Вспомнил я и еще одних гостей. Молодая семья с девочкой лет трех. Они часто прогуливались к морю. Обычная семья, что уж тут сказать. Но в один момент я заметил, что девочка очень часто плакала, а мама все успокаивала ее, то у бассейна, то на улице. Я застал эту картину, когда возвращался с пробежки. Эльвира, моя супруга, решила поинтересоваться у молодой мамы, в чем же дело, на что гостыя ответила:

– Да мы вот игрушку потеряли – мишку плюшевого. Муж пошел искать. – Пауза. – У Лили это была самая-самая любимая игрушка. Еще от бабушки осталась. Мишка ещё и с мою ладонь – так что мы уже просто отчаялись.

– Как жаль. Но не переживайте, найдется ваш мишка. Он же чувствует любовь своей хозяйки. Вот именно она и послужит ориентиром, – ответила Эльвира и заглянула в заплаканные глаза девочки. – Хочешь я тебе принесу вкусный-вкусный арбуз?

Девочка покачала головой.

– Игрушка ей нужна, – с грустью вздохнула мама девочки. – Лилия потеряла ее где-то на берегу.

Я стоял возле бассейна и размышлял, что же делать в такой ситуации? Ну, покупка новой игрушки ничего не решит, ведь девочке нужна была ТА САМАЯ! Вернулся отец семейства и сообщил, что игрушку он не нашел. Тогда девочка еще больше расплакалась. Ну как тут спокойно на это смотреть?

– Давайте все вместе ее поищем, – предложил наконец я.

К моему счастью, все со мной согласились, и мы отправились на поиски плюшевого мишки. В морскую пучину уходил оранжевый диск солнца. Уже вечерело, а значит поиски априори станут еще более проблематичными. Но мы должны найти мишку, во что бы то ни стало, поэтому решили разделиться. Я тщательно разглядывал берег. Ну неужели косолапый сквозь землю провалился? Ну не может же такого быть! Я напряг зрение, пытаюсь разглядеть его хоть где-нибудь. Но тут шум волн прервал громкий крик моей супруги:

– Нашла!

Ура! Я поспешил к жене – молодая семья тоже. Эльвира с теплой улыбкой вручила

игрушку девочке, и та мгновенно засияла. Ручками вытерла слезы и засмеялась своим звонким смехом.

– Спасибо вам! – искренне поблагодарила нас молодая мама.

– Обычно отелю глубоко плевать на проблемы постояльцев. А особенно на такие пустяковые. Ну а вы – просто человечеще! Пришли на помощь как супергерой.

Как же мне нравится видеть счастливые лица постояльцев. Как вы поняли, бизнес я веду не один, а со своей женой Эльвирой. Я безумно счастлив от того, что у нас с Элечкой общие интересы! Она когда-то подала мне пример, как надо жить. Можно сказать, что именно эта женщина вытянула меня из пучины. Я ей безмерно благодарен, и, знаете, мало таких, кто тебя направит на путь истинный, будет терпеть тебя и радоваться за твои успехи. Если у вас есть такие люди, цените их!

«...ТАНЦУЙ и не останавливайся.

Какой в этом смысл – не задумывайся.

Смысла всё равно нет и не было никогда.

Задумаешься – остановятся ноги...

Все твои контакты с миром вокруг оборвутся.

Поэтому никак нельзя, чтобы ноги остановились.

Даже если всё вокруг кажется дурацким и бессмысленным – не обращай внимания.

За ритмом следи – и продолжай танцевать.

Выжми себя как лимон.

И помни: бояться тут нечего.

Твой главный соперник – усталость.

Усталость и паника от усталости – это с каждым бывает.

Станет казаться, что весь мир устроен неправильно – и ноги начнут останавливаться сами собой...

А другого способа нет —

обязательно нужно танцевать.

Мало того – танцевать очень здорово,

и никак иначе.

Так, чтобы все на тебя смотрели.

Так что – танцуй.

Пока играет музыка – ТАНЦУЙ!»

Харуки Мураками. «Дэнс, Дэнс, Дэнс»

Глава 1 Годы учебные, годы чудесные

Я родился в преддверии 1977 года в заснеженном городе Надым, затерянном в бескрайних просторах Ямало-Ненецкого автономного округа. Воздух уже был пропитан волшебством приближающегося Нового года, а на улицах вовсю гремели хлопушки и раздавался детский смех.

Некоторые мужчины, предвкушая праздник, уже тайком начинали отмечать всеобщее торжество. Кое-кто со спрятанной чекушкой скатывался с нашей местной ледяной горки. Со стороны это смотрелось очень комично – взрослый румяный дядька катится с горки, и всё это сопровождается его искренним смехом. Правда от зорких глаз жен приходилось тщательно прятать заветную чекушку, иначе ссоры не миновать.

Вообще наши семейные празднования Нового Года и моего дня рождения я всегда вспоминаю с огромной теплотой и ностальгией. Пожалуй, начну рассказ со дня рождения. Утром меня будила мама и вела на кухню. На столе меня ожидал большой торт и конфеты, иногда даже мандарины. Сладкое я очень любил, мне все же хотелось фруктов! Но их

у нас на новый год не было в те времена. Мандарины были только в детских подарках, да и яблоки тоже. Город Надым – закрытый. Население всего 40 тысяч человек. Поэтому и фруктов было не достать.

После угощения тортом мама целовала меня в макушку и желала мне счастливой жизни. Отец жал мне руку. Я чувствовал себя таким взрослым в те моменты. Сестра обнимала меня и желала стать сильным, как популярный на то время боксер Яновский. Потом меня ждали подарки! Отец дарил металлические модели автомобилей, а однажды подарил железную дорогу! Мама – красочные книжки, а сестра Оксанулька вручала открытку «собственного производства». Вспоминаю сейчас и чувствую тепло.

А теперь вспомню про Новый год. Помню мандарины из подарков – для меня, тогда ещё маленького, они казались невероятно сочными и ароматными, словно пропитанными мёдом. Эти подарки вручали на утренниках: в школе, у мамы на работе, у папы на работе. Вот и получалось, что на каждый Новый год были костюмы, в которых я похаживал на утренники. То был мушкетёром, то наряжался, словно на

карнавале в Рио-де-Жанейро, то просто зайчиком. Эти костюмы мне доставались по наследству – переходили от моих двоюродных братьев, Сашки и Лёшки, которые жили в де-

ревне Выдриха, что в Восточном Казахстане. Костюмы были знатные, и меня всегда награждали Дед Мороз со Снегурочкой всякими призами. Достаточно было просто прийти на утренник – и подарки были гарантированы.

А так как конфет по тем временам было не достать, я с нетерпением ждал Нового года и подарков. В первую очередь из сладостей съедались мандарины, потом – самые вкусные шоколадные конфеты: «Ромашка», «Ласточка», «Одуванчик». Оставались карамельки, которые я не очень любил. Ах да, ещё шоколадки – это было сверхлакомство в тех подарках.

Иногда мы ходили на вещевой рынок. Люди вокруг казались какими-то инопланетными великанами. Мы с сестрой то шли, крепко держась за руки, то начинали подшучивать друг над другом, кидаясь снежками. Помню, мы попали в спину идущего впереди мужчины. Тот обернулся и сердито погрозил нам пальцем. Сестра потом напугала меня, сказав, что этот мужчина непременно придет за мной и возьмет «матч-реванш»: закидает меня снежками по самое не балуй. Тогда я очень испугался и все думал, что этот мужик и впрямь придет за мной. Сестра хихикала надо мной, а я решил пересилить себя! Я заявил, что не боюсь я никакого мужика. Закидаю его снежками сам!

– Как приятно видеть наших детей такими радостными.

– Красота! – согласился отец. – Уже совсем скоро Новый Год. Соберемся все нашей дружной семьей!

– Главное, чтобы места на всех хватило, – забеспокоилась мама, ведь у нее достаточно братьев и сестер.

– Метры позволяют, – улыбнулся папа.

На Новый год у нас всегда была живая ёлка – мама или папа приносили её с работы. Там их было много: привозили елки из леса, и возле входа на улице в сугробах стояли эти красавицы. Елку обычно наряжали до дня моего рождения, и это поручалось мне. Я очень ждал, когда её привезут. Папа ставил елку на самое видное место в зале, доставал игрушки и вешал гирлянду. Всё остальное было за мной. Я медленно, игрушка за игрушкой, наряжал ёлку, отходил подальше, чтобы оценить, как всё смотрится, и, если что-то не нравилось, перевешивал. Запах ели стоял по всей квартире. В ту ночь я часто ложился спать в зале, чтобы любоваться нашей красавицей и наслаждаться запахом Нового года.

Летом мне нравилось одному ходить на рыбалку. Меня манила свобода, ощущение того, что я самостоятельный, и мне никто не диктует, как и что делать. Мне даже компания

не нужна была. Я просто собирал вещи, садился на попутные машины и ехал в лес или шел пешком.

Город Надым со всех сторон окружен лесами, болотами и речками, словом, природа очень красивая. Меня ничего не смущало и не было страха, как я доберусь один или как это сделать. Просто выходил на дорогу, протягивал руку, и останавливалась какая-нибудь машина. В основном это были грузовики. Мне очень нравилось ездить на попутных машинах. С шофером можно было о чем-то поговорить. Легковые машины останавливались редко, так как в городе их практически не было, и по тем временам легковой автомобиль «жигули» или «волга» были роскошью.

Мне тогда было лет 10-11. Лес был моим пристанищем и местом наслаждения. И истинное наше – оно всегда в сердце. Поэтому позволяй себе прийти к своему истинному я. К своей сущности в этой жизни. И если доставляет счастье быть просто в лесу в одиночку, так бери и иди – туда, куда сердце зовет. Приезжай в те края, важные именно для тебя. У каждого из нас есть такие места силы, где мы были счастливы. Здесь у нас есть свои триггеры и воспоминания. У нас есть память. Так позволь своим эмоциям окунуть тебя в эти моменты. Моменты истинного счастья. Частичка нас: в этих местах, в этих воспоминаниях, в этой жизни.

Я и сейчас очень люблю ходить и бегать по лесу в одиночку, прислушиваться к шороху листьев, к ветру. Энергетика леса наполнена множеством ярких эмоций. Когда приезжаю в гости к маме, первым делом иду гулять по родным местам в лесу, где мы с папой собирали грибы и просто также когда-то гуляли. Всё здесь остаётся прежним, только мы меняемся. Ещё недавно в этих краях я гулял мальчишкой и рядом шел мой папа, сейчас я могу только вспоминать об этом. По этим же местам теперь ходим мы с дочкой Лизонькой, и также, как и раньше, просто собираем грибы и радуемся моменту. Надеюсь, что Лизка будет появляться в этих местах и потом, вспоминая походы с папой.

Иногда мы садимся в нашу Волгу, Лиза у меня на коленях – и едем в лес. Она рулит, жмет на газ, я переключаю передачи. Так мы вместе катаемся. В эти моменты моё сердце цветёт от счастья. Есть только мы, здесь и сейчас, и наша радость. Лизонька рулит и ощущает то же счастье. Я чувствую это всегда. Я чувствую свою малышку, мне передаются её эмоции и радость. Даже не важно, находим мы грибы или нет. Мы просто гуляем вместе. В этом и есть истинная жизнь, истинный момент, здесь и сейчас.

Будучи наблюдателем своих желаний, мы становимся ис-

полнителями своих мечтаний. Смотрите на своё детство, на простые мечты и просто позволяйте им быть. Мы в детстве истинные, без масок. Только потом навешиваем на себя шоры или надеваем маски и играем в игры, которые придумали люди. Поиграем в игру «карьера», поиграем в игру «работа», поиграем в игру «счастье». Только игры эти придуманы

кем-то, не истинными нами. Я и сейчас думаю, что мой папа гуляет по лесу, по тем местам, которые он очень любил. Он мог днями проводить в лесу, любуясь косулями, лосями и кабанами. Папы больше нет, но косули и теперь приходят к маме прямо во двор. Видимо это папа с ними гуляет.

Мама, видя косулей возле дома, разговаривает с ними, любит их красотой, а ведь косуля боится людей. А тут они сами приходят и спят возле дома в тех местах, где мы вместе с папой когда-то посадили маленькие елочки и сосны. Теперь эти деревья выросли выше крыш, и под ними растут грибы, спят косульки – и это прямо возле дома. Истинные чудеса происходят в этой Вселенной. Всё гармонично.

Расскажу немного о семье.

Моя мама – Чистякова Надежда Семеновна, женщина, которую я боготворю и которой бесконечно благодарен за жизнь. Она родилась в живописном селе Большеречка, рас-

положенном в Восточном Казахстане, в далеком 1948-м году. Голодное, суровое послевоенное время. Но моя бабушка и все остальные родственники, не теряя надежды, выживали как только могли, цепляясь за каждый прожитый день. Да и жители села, объединенные общей бедой, старались помогать друг другу. И это не удивительно: после пережитого ужаса, когда смерть ходила совсем рядом, люди невольно сплотились, понимая, что только вместе можно выстоять.

Детство было пусть и не сытым, зато счастливым. В семье моей мамы царила любовь и поддержка, даже не смотря на то, какое тогда было время.

После школы мама отучилась на бухгалтера в городе Лениногорск – это Восточный Казахстан. Сейчас этот город называется Риддер. В 1967 году её направили в Тимертау, где строили металлургический комбинат. Мама всю трудовую жизнь проработала в одном тресте СеверГазСтрой (ранее КМСМУ 3). Начинала бухгалтером и в дальнейшем стала главным бухгалтером. Ветеран труда. Карьера у мамы по тем временам была очень хорошая: уважаемый житель города, всегда на доске почета, работает в крупном предприятии. Когда я приходил на работу к маме, то поражался ее авторитету и тем, как к ней относились сотрудники. Было видно почтение и уважение. Мама была в очень хороших отношениях с акционерами и руководством треста.

Мой папа, Чистяков Анатолий Александрович, родился тоже в 1948 году в маленькой деревне Никулино в Свердловской области. К сожалению, сейчас деревни Никулино уже нет – время неумолимо, всё заросло травой и лесом. В этом месте остались только высоченные тополя, которые папой были посажены в его детстве. Папа закончил школу в Четкарине, все 11 классов. Учился он на одни тройки, по поведению была четверка, что тогда означало очень плохое поведение. Однако это не помешало ему потом закончить институт.

По образованию папа был инженером и большую часть жизни проработал на руководящих должностях в различных трестах. Особенно хорошо я помню одну организацию – СУ-5, строительное управление. Мне всегда нравилось приходить к папе на работу, сидеть в его большом кабинете и наблюдать, как он уверенно распределяет задачи между сотрудниками. Он был настоящим лидером.

Родители познакомились и поженились в Казахстане в городе Тимуртау. Они приехали в этот город каждый со своей родины: мама из Лениногорска, папа из деревни Никулино. Попали они в Тимуртау по распределению комсомольцев. У меня есть сестра Оксана, которую я с любовью называю Ок-

санулька. Она родилась там в 1969 году.

Мама очень хотела уехать из Тимертау. Ей там не нравилось: бедная природа, из родственников – никого. Она отправляла документы в Уссурийск и другие города, где тогда требовались трудящиеся. Как-то раз пришел на работу к ней один мужичок и сказал:

– Я работаю в СеверГазСтрое. Это в Надыме.

Мама тут же написала письмо в этот трест, и её вызвали на должность бухгалтера. Пропуск оформили, и родители уехали в Надым. Надым был тогда закрытым городом, но маме он очень понравился: северная природа, грибы, ягоды, рыбалка. Так как вызвали только её, папа по приезду устроился мастером. В 1976 году родился я.

Я часто корил и до сих пор корю себя за то, что в подростковом возрасте не всегда прислушивался к мудрым советам отца. А ведь нужно было слушать... Я лишь хочу сказать, что бесконечно благодарен ему за всё. Именно благодаря ему, его безграничной любви, непоколебимой вере в меня и всесторонней поддержке, я стал тем, кто я есть сейчас. Он навсегда останется в моём сердце.

В минуты душевной слабости,

Я вспоминаю о тебе.
Как ты боролся,
Улыбался и сражался.
Как говорил со мной,
Как мы сидели у костра.
Учил водить меня,
Теперь я за рулем!
Теперь я знаю в жизни толк
Я путь прошел благодаря тебе!
И сам я стал отцом.
Благодарю тебя, отец
За все! ...

Анна Лобанова

«В минуты душевной слабости»

– Может, ты начнешь вести себя нормально?

Этот вопрос, заданный моим куратором Ларисой Ивановой, повис в воздухе, словно мыльный пузырь. Судя по ее взгляду, останавливаться на нем она не собиралась. Грозно лопнув первый пузырь, она надула еще один, и я приготовился слушать длинный и, вероятно, очень нудный список моих «плохих» привычек и скверного влияния на других. Я изначально знал, зачем меня вызвали: видимо, у преподавателей, наконец-то, закончилось терпение.

– Портишь лучших студентов, – как выразилась однажды Лариса Ивановна, – заставляя их прогуливать пары.

Ребята, в общем-то, неплохие, даже несмотря на то что отъявленные ботаны. Из-за меня, если верить слухам, половина девочек из нашего потока ходят вечно либо в слезах, либо витают где-то в облаках, представляя себя героинями женских романов. Ну а мне нравится внимание, но ни с кем из них я строить отношения

не хочу – вот они и рыдают.

– Но ты ведь способный парень, – продолжала она. – Еще бы не нарушал дисциплину – вообще цены бы тебе не было. Я очень уважаю твоего отца, он Университету много помогал финансово. И мне очень обидно, что ты треплешь нервы и ему.

– Ну да, отец у меня такой, – сказал я с ехидной ухмылкой.

Думаю, девушки вились вокруг меня не только из-за моего обаяния. Или может за то, что у меня были деньги. Я любил хорошо погулять и оставить на вечеринке крупную сумму денег. Любил кататься на своей белой Волге по городу, иногда знакомясь с эффектными брюнетками и блондинками. Отец подарил мне эту машину в честь поступления в Университет на физико-математический факультет. Может, именно с этой ступени и началась моя разгульная жизнь. Хотя, по правде признаться, словосочетание «разгульная жизнь» звучит как-то похабно. Мне больше нравится выражение «жить на всю ногу». Вот это солидно!

Этот «парень на белой Волге» в детстве, как и все, ходил в детский сад. Меня воспитывала в основном моя мама, а отец очень много работал. Вот именно поэтому на мою маму

свалились все заботы обо мне. Отец лишь денег на нужды давал. К слову, жили мы вчетвером. Старшая сестра Оксая, для меня была словно актриса из телевизора: умная, добрая и красивая. Став старше, я все подначивал ее попробовать себя на роль какой-нибудь светской английской дамы. Но Оксанка все отмахивалась – учеба важнее! Не будет образования – не будет и работы. А работать в то время нужно было, иначе не прокормишь себя, да еще и своих родных в придачу. Ещё в школе отец показал мне, что такое хорошо и что такое плохо. Он объяснил, что получать удары от недруга – это нормально. Надо выстоять и не отвечать тем же.

– А почему? – спросил я у него.

Он закурил сигарету, выпустил струйку дыма. Такую тонкую, что её в принципе трудно было заметить.

– Растрачиваешь свою энергию. А если ты будешь стойко стоять на месте – недруг будет считать себя слабым. Ведь он так и не смог пробить тебя.

В итоге, после небольшой паузы и пристального взгляда, он сказал мне, как отрезал:

– Запомни, сынок, конфликты нужно решать не кулаками, а словом. Умей договариваться, находить компромиссы. Си-

ла – это не всегда лучшее решение.

Я, если честно, пропустил эту отцовскую мудрость мимо ушей, посчитав её наивной и непрактичной. И очень зря. Кто же знал, что через много лет, в самый неподходящий момент, эта его фраза мне так больно аукнется. Время шло неумолимо, и я, словно под чутким присмотром охранника в магазине, из маленького неуклюжего мальчишки постепенно превратился в прилежного школьника. Учеба началась...

Поначалу, гранит науки грызть было тяжело. Когда я пришел в первый класс, то вообще читать не мог. Многие одноклассники уже читали, а я отставал. С письмом было не лучше. Я получал много двоек, но родители меня за это не ругали. Они понимали, что это только навредит, и старались хвалить даже за самые скромные успехи. Во втором классе я учил большие стихи и делал это быстро, даже участвовал в конкурсах. С каждым годом учёба давалась мне всё легче, да я и сам хотел стать лучше, пока однажды не подружился с Кириллом – пареньком

из параллельного класса.

Это случилось в средней школе, а именно в девятом клас-

се: как раз тот период сопровождался моим обучением в музыкальной школе. Класс фортепиано, пел в хоре, а после того, как голос в подростковом возрасте сломался, перешел в оркестр на трубу баритон, играл на гитаре и в духовом оркестре. Забегая вперед, скажу, что музыкальную школу так и не окончил. Надоело учиться. Это была мечта родителей. Когда можно было сказать, что не хочу учиться, я сообщил об этом, и родители не стали настаивать. По итогу обучение музыке я бросил, оставив при себе навык игры на нескольких инструментах.

У Кирилла был замечательный отец, Мирослав Петрович, добрейшей души человек. Бывший шахматист. Мухи не обидит. Так уж случилось, что мама Кирилла трагически погибла. Быть может, эта трагедия оставила на Кирилле неизгладимый отпечаток. Своей грубостью он старался унять душевную боль. Кирилл задирали младших, грубил девчонкам, учителям. Дрался прямо в коридоре школы. А однажды даже умудрился закурить в классе. Как же этот отъявленный забияка и хулиган умудрился стать моим другом? А всё началось с того, что я его просто не выдал. Он собирался подложить какую-то особенно мерзкую пакость учительнице, и именно в этот момент его заметил наш классный руководитель. А я всю вину взял на себя. Почему? Да черт его знает, может, мне стало его жалко. А может, просто захотел вызвать чувство вины за его проделки. Но он лишь поблагодарил меня.

Не думаю, что в его голове появились какие-то выводы.

В период моей школьной жизни я получал тонну насмешек и обидных прозвищ. «Ботаник», «зубрила», «книжный червь» – это лишь малая часть того, что мне приходилось выслушивать от более «продвинутых» одноклассников. Все в таком роде, как говорится. Но вот тот самый забияка, которого я спас от гнева учительницы, спустя пару дней поговорил с моими обидчиками. Не знаю, что он им сказал и как их убедил, но волшебным образом с меня как рукой сняло все насмешки и издевательства! С тех пор меня больше никто не трогал. А Кирилл стал моим лучшим другом. Более того, наши семьи тоже подружились между собой. Я часто бывал в их доме. Мы играли на приставке «денди», очень популярной на тот момент, а наши отцы что-то очень оживленно обсуждали на кухне. Тем временем мы с Кириллом переживали взросление. Друг не исправлялся, а так и продолжал делать глупости. Причем глупости, которые могли закончиться не очень хорошо. Тогда я еще мог списать это на мальчишеские пакости, которые, безусловно, делать не стоило. Мой друг начал воровать в магазинах, и он пока что делал это один, а потом начал подбивать и меня.

– Да ладно, – говорил он. – Ничего нам за это не будет,

просто головой верти.

Мы начали подворовывать, но на удивление не попадались. Кто знает, может Кирилл перед походом на «дело» посыпал на наши головы невидимую пыльцу-оберег? А потом я начал понимать, что мне нравится этот адреналин. Каждый раз ты идешь на риск —это чувство безумно подстёгивало меня. Отец начал что-то подозревать, но я упорно делал вид, что я все такой же прилежный ученик. А один раз я сделал, наверное, самое подлое, что только мог.

Деньги начали заканчиваться, а новых компьютерных игр хотелось. Так вот, я просто пробрался в спальню родителей и украл из комода приличную сумму денег. Мы с Кириллом тогда отлично погуляли, словно сорвавшись с цепи, и купили себе всего, чего мы давно хотели, о чем мечтали, но не могли себе позволить. Только потом, спустя несколько лет, когда я повзрослел и набрался жизненного опыта, я осознал весь масштаб содеянного и понял, что натворил. Более того, мне кажется, что отец, будучи мудрым и проницательным человеком, обо всем догадывался с самого начала, но предпочел не устраивать скандал, а просто сделать свои выводы. Вместе с тем дела семьи вновь пошли в гору. Ну а я так и продолжал промышлять всякое.

Когда ты подросток, да еще и проблемный – вся жизнь

вокруг пропитана опасностями. А ещё тебе кажется, что все люди против тебя. Вот и я так думал. Отдалился от родителей, проводил время на улицах. К Кириллу прибавилось еще пара ребят, и они от нас ничем не отличались. Мы теперь вчетвером воровали в магазинах, пили и курили. Что-то из украденного перепродавали, если мы, например, удачно стащили аудиокассету. Неплохой бизнес у нас нарисовался. Правда, отец, если бы узнал, не гордился бы мной. Но что поделать?

Это сейчас я понимаю, что мне нужно было свою энергию в другое русло пустить, воровство заменить каким-нибудь хобби. Только вот какое хобби я себе представляю? Чем бы я занимался в юношестве? Ну, в первую очередь музыкой. Для юноши в то время музыка была чуть ли ни главным интересом. Помню, собирались мы у кого-нибудь дома, кто-нибудь из нас бережно доставал из рюкзака новенькую аудиокассету. Какие исполнители, к слову, были у нас тогда популярны? Из отечественных – Наутилус, Агата Кристи, Алиса. А зарубежных исполнителей вроде Iron Maiden и Metallica достать было весьма сложно. Но мы как-то умудрялись находить их. Через родителей друзей, у ребят постарше. Когда мы получали этот заморский артефакт, то были очень счастливы. Только вот нужно было успеть переписать все песни на пустую кассету, так как оригинал требовалось вернуть. Аудиокассета заслушивалась так, что ее приходилось чинить

самостоятельно. И что мне мешало, например, попросить у отца электрическую гитару и учиться играть? Вопрос риторический.

Еще из интересов тогдашней молодежи был футбол. Мы с ребятами частенько гоняли мяч по двору или по футбольному полю. У меня с каждым разом вырабатывались неплохие способности. Я был юрким, быстрым, так что легко мог перехватить мяч у своего одноклассника и блестяще забить его в ворота противника! Мне пророчили карьеру футболиста, но как итог – я не воспользовался этим шансом и просто забыл о том, как я бегал по школьному футбольному полю под ободряющие крики ребят.

Корю ли я сейчас себя за то, что не стал музыкантом или футболистом? Наверное, нет. Все-таки не все мы изначально идем по благополучному пути. Я выбрал увлечение, которое тоже было популярно среди юношей того времени. Да, я стал хулиганом и вором, звучит страшно, но я этим в то время очень гордился. Благодаря Кириллу я стал крутым, возможно, даже круче него. На меня обрушилась лавина популярности! Младшие меня боялись, а старшие уважали. Отец же только качал головой. Быть может, это правильно – дать своему сыну набить шишки самостоятельно. Но какова цена этих шишек? Есть ли вероятность, что они никогда не исчезнут с твоего колена или руки? Так и будут ныть, на-

помятая тебе о всей той глупости, которую ты совершил, когда был подростком... Шрамы, не только физические, но и моральные, запечатленные на коже, как печальная летопись ошибок. Я смотрел на эти бледные полосы, воспоминания хлынули потоком: ночные вылазки на заброшенный завод, неуклюжие попытки угнать велосипед, дурацкие пари на скорость спуска с крутой горки... А еще холод от лезвия ножа... Врач тогда, посмеиваясь, сказал, что заживёт. Зажило, конечно. Но след остался. Как и след от тех поступков.

С одной стороны, это раздражает. Хочется стереть, забыть, сделать вид, что ничего этого не было. С другой – это как прививка. Напоминание о том, как легко можно осту-питься, как важны последствия. Может быть, в этом и заклю-чается их ценность? Не просто как уродливые знаки, а как маяки, указывающие верный путь.

«Два самых важных дня в твоей жизни: день, когда ты ро-дился, и день, когда понял, почему...»

– Марк Твен

– Да он совсем от рук отбился! – восклицала отцу моя мама в соседней комнате.

В ответ было молчание – видимо, отец не знал, что ответить. Или знал, но просто не посчитал нужным что-либо обо мне говорить.

– Что же нам делать? – не унималась мать. – Нам надо на него повлиять!

Я услышал лишь глухой стук закрывающиеся двери. Отец пошел на кухню, судя по тому, как до меня донеслись последующие звуки готовки. Ни о какой звукоизоляции, к слову, тогда речи не шло. Стены в нашем кирпичном доме были тонкими. Я мог даже сказать «будь здоров» своему соседу снизу. Звякнула посуда, затем послышалось шипение масла на сковороде, а после – умиротворяющий запах жареной картошки. Да-да, я очень отчетливо услышал запах еды. В нашей квартире это тоже было в порядке вещей. Отец всегда шел готовить, когда мать начинала свои моральные чтения. Словно пытался создать невидимую стену между собой и ее тревогой, спрятаться за кулинарной рутинной. Когда речь заходила обо мне, мне хотелось крикнуть родителям:

– Оставьте меня в покое! Я сам разберусь со своей жизнью.

Как же меня это все бесило. Хотелось просто убежать и

никогда не возвращаться к моим правильным родителям! К тому же у меня есть друзья, которые меня всегда поддержат. Вот и сейчас я тихонько вышел из комнаты и проследовал в коридор. Именно там, на аккуратном столике, под вязаной крючком салфеткой, лежал запасной ключ от квартиры. Мать любила вязать, а я всегда находил применение её «милым» безделушкам.

Осторожно, стараясь не скрипеть половицами, я добрался до столика и нащупал ключ под салфеткой. Сердце бешено колотилось. Побег казался мне единственным выходом, глотком свежего воздуха в этой душной атмосфере непонимания. Прикрыв нашу входную дверь, я направился в сторону местного клуба. По правде говоря, в современном понимании то заведение было сложно назвать клубом: это был лишь наш местный Дом культуры. Но нам такое название совершенно не нравилось – не звучало. Так вот, мы решили переименовать его в модное слово «клуб». И пусть местные жители, когда слышали это название, ворчали, что мы «нахватались за бугром» и «отрываемся от корней». Нам было плевать. Мы хотели создать свое пространство, место, где мы могли быть самими собой, не оглядываясь на чужое мнение.

Про «свое пространство» я говорю совершенно серьезно. Дело в том, что у одного из наших приятелей мать работала в ДК уборщицей, соответственно, уборка проводилась утром

и вечером. И вот наш друг стащил у матери ключи, и мы отправились делать дубликат. Когда мы его получили, то сию секунду стали несанкционированными посетителями клуба в нерабочие часы. Обычно мы собирались после полуночи, кто-то закупался сигаретами и алкоголем, а кто-то добывал что покрепче и поопаснее. Но я к этому «поопаснее» относился совершенно безразлично. Тогда мне и бутылка пива была крепка. Мы оккупировали зону со сценой и рассаживались прямо на ней. Пыльные доски под нашими задницами, запах старых кулис, мерцающие огоньки гирлянд, забытых после последней дискотеки – всё это создавало особую атмосферу. Так уж повелось, что мы каждый вечер начали захаживать в наш «клуб».

У каждого из нас была «своя война». Кто-то воевал с матерью, с ее непониманием и, возможно, излишним контролем. Кто-то, наоборот, страдал от безразличия со стороны родных. И, наконец, кто-то просто не знал, чем себя занять, хотя ему пророчили быть знаменитым музыкантом или футболистом. Мы все были разными, со своими проблемами и мечтами, но нас объединяло одно – желание найти своё место в этом мире, найти тех, кто нас поймёт и поддержит. И именно здесь, на этой пыльной сцене «клуба», мы чувствовали себя свободными, настоящими, не обремененными ожиданиями и предрассудками. Здесь мы могли быть самими собой, без масок и ролей. Здесь мы могли высказаться, быть

услышанными, получить поддержку и совет. Мы могли мечтать, творить, создавать что-то своё, что-то, что отражало бы нашу сущность. Именно поэтому мы приходили сюда снова и снова. Чтобы сбежать от реальности, найти утешение и вдохновение, почувствовать себя частью чего-то большего. Мы были разными, но вместе были силой. Силой, способной изменить мир, или, по крайней мере, свой маленький мир, заключенный в стенах этого старого клуба.

В тот вечер я добрался до клуба, а наш товарищ Пашка отправился в магазин, чтобы купить поесть. Это было очень кстати, так как наши желудки уже не могли более оставаться пустыми.

А еще в тот момент мне казалось, словно я всем своим нутром слышу то, о чем говорят мои родители. Более того, я будто бы видел сейчас их перед собой. Я на миг переместился домой

и начал тенью скользить за ними.

– Ну он удрал! Толя! Иди сюда, что ты там опять на кухне делаешь? – воскликнула моя мать.

Мой отец бросил готовку очередного блюда и направился в гостинную на зов жены, озвучив, что просто готовил по-

есть.

– Надя, успокойся, – мягко отвечал ей мой отец, появившийся в дверном проеме, минуя занавеску из деревянных бусин. – Нагуляется и вернется.

– То есть тебе все равно на нашего сына?!

Отец молча присел рядом с мамой и сказал:

– Ты знаешь, я узнаю в нём себя. Подожди пару минут, – он поднялся и, выдержав паузу, отправился обратно на кухню домыть посуду. Осталась пара тарелок. Он всегда мыл тарелки с вилками сразу, не любил, когда в мойке скапливалась грязная посуда. Вернувшись в гостиную, он продолжил:

– Я был ровно таким же, как и он сейчас, – заключил отец.

Мама вымученно закрыла глаза. Я хотел положить ладонь на ее плечо, вот только не мог – я всего лишь тень. Ее плечи беспомощно подрагивали. Мама переживала и за меня, и за мою старшую сестру Оксану, которая после 10 классов поступила в медицинский университет в Екатеринбурге и переехала туда жить. Признаться 44

честно, когда сестра уехала, я даже обрадовался, что ком-

ната будет полностью моей. Потом начал грустить и вспоминать, как мы вместе засыпали. И как я не давал сестре уснуть, потому бодрствовал сам.

В одни из летних каникул сестра пригласила меня в гости в Екатеринбург. Как я обрадовался этому! Сестра на тот момент жила в общежитии и познакомила меня со многими ее друзьями. Мне очень понравилось гостить у сестры и чувствовать взрослую свободную жизнь. В один из вечеров мы пошли в видеосалон и смотрели фильм «Однажды в Америке». Сестра на тот момент дружила с молодым человеком. Веселый и радостный парень. Потом спустя какое время они решили пожениться и планировали сыграть свадьбу в Надыме. Отец усиленно собирал водку и шампанское, чтобы хорошо погулять (в те времена водку было не достать). С этим молодым человеком сестра была веселой и радостной, было видно, как мило они воркуют друг с другом. Позже у них родился сын Артем, правда их свадьба так не состоялась.

Позже сестра вышла замуж за надымского парня Александра. Мне он очень нравился. С ним было как-то по-своему. У них родилось два сына – Антон и Павел.

– Надя, ну успокойся. Ничего страшного не произошло. Будто бы ты не убегала из дома.

Мама посмотрела на супруга распухшими от слез глазами:

– Нет, вот кто-кто, а я не убегала. Мне это было незачем. А он убежал! Значит, мы его как-то не так воспитываем! Значит, он нас не любит.

– Он подрастает и познает окружающий мир. Достаточно за ним следить, но не наседать на него излишней опекой.

– Но сейчас ведь время опасное, Толя!

– Оно всегда было опасным. Сейчас, десять и двадцать лет назад. Я не хочу, чтобы ты сейчас переживала, – он поднялся с места и направился к кухонному шкафчику, открыл его и достал аптечку. Покопавшись в ней, он обнаружил нужные таблетки, налил в стакан воды и вернулся в гостиную, протянув маме таблетки и воду. – Прими, тебе полегчает .

Мать послушно выпила предложенную таблетку, и через несколько минут ей стало заметно лучше. Тревога постепенно отступила, и она наконец-то успокоилась. Впрочем, как и я, наблюдая за ее состоянием. Я понимал, что в данной ситуации отец – моя главная поддержка и опора. Какая-то неведомая сила выдернула меня из квартиры, и я оказался в

«клубе» на пыльной сцене. Я еще пару секунд сидел в полном непонимании происходящего. Кирилл похлопал меня по плечу:

– Эй, ты там с инопланетянами связался, что ли? – шутливо спросил друг.

Я на мгновение замешкался, словно очнулся от глубоких раздумий, но тут же спохватился, посмеялся, немного растерянно покачал головой и ответил, стараясь не выдать смущения:

– Да просто задумался о всякой ерунде, — сказал я.

Как по заказу, в зал ввалился наш товарищ с большим пакетом на перевес.

– А вот и угощение подъехало! – расплылся в улыбке Кирилл, встал с места и подошел к нашему товарищу Пашке, забирая у него из рук пакет.

Сперва я растерялся, но тут же, повинуюсь зову желудка, тоже встал с места и направился навстречу нашему спасителю. Есть невероятно хотелось. Пашка, как оказалось, закупил целую гору румяных, аппетитных пирожков с картошкой и капустой. И, что самое главное —они все еще остава-

лись обжигаяще горячими. Мы снова расселись на сцене и принялись за трапезу. После еды стало настолько хорошо, что я был готов остаться ночевать в клубе. Кстати, некоторые так и делали, правда, необходимо было успеть покинуть ДК до прихода уборщицы. И ни разу никто никого не ловил.

Чуть позже Кирилл рассказал мне о том, что пару дней назад открылся большой рынок, и неплохо было бы сходить завтра на разведку. Точнее, на кражу.

– Полно всяких крытых магазинов: одежда, обувь. У меня как раз кроссовки износились, – с воодушевлением говорил мой друг, демонстрируя дырявый, цветастый кроссовок. – Охрана там только-только формируется, так что нужно идти на дело сейчас!

А я задумался, всерьез взвешивая все «за» и «против». Ведь это может быть опасно, и последствия могут быть непредсказуемыми. Но и отказываться категорически я тоже не хотел, так как Кирилл, импульсивный и горячий, вполне мог посчитать меня трусом, боящимся рисковать. Так что, после школы мы договорились съездить на рынок. А пока нужно расходиться,

ведь скоро наступит утро, да и поспать в своей кровати хотя бы пару часов очень хотелось.

Когда наша компания вышла из «клуба», каждого из нас обдало холодным ветром. Я немного сбавил шаг и невольно отстал, идя чуть позади ребят. Я вдруг осознал, что у каждого своя собственная жизнь, свои заботы и проблемы, о которых я мог и не догадываться. Никто ничем таким сокровенным не делился. Мы просто собирались в «клубе» и оттягивались по полной программе. И ранним утром, под тихий шепот просыпающегося города, мы устало плелись обратно по своим домам. Впереди маячила школа, хотя для некоторых, конечно, и соблазнительная перспектива прогула занятий. Я же, как «примерный сын», всегда ходил в школу, считая, что должен хоть как-то радовать родителей своим усердием. А вот Кирилл, зная его ветреный характер, вполне мог и прогулять, поэтому мне, как назло, приходилось за него отвечать. Ведь учителя, по какой-то нелепой причине, решили, что я полностью взял на себя контроль над его учебой и посещаемостью. Вот и сегодня он решил не ходить на учебу. Наказал

мне зайти к нему после занятий.

– Хряпнем для храбрости? – спросил друг. – У отца моего как раз припрятан коньяк. Ничего от парочки рюмок не случится.

– Слушай, может, все-таки не стоит?

– Пить? – удивленно вскинул брови Кирилл, уставившись на меня.

– Нет. Красть, – осторожно ответил я.

– Ну ты чего, как бабка старая? Мы с тобой один лишь раз живем! Мы же не «девятку» у соседнего дома угонять будем. Лишь пара китайских кроссовок на повестке дня!

– Да и мне в музыкалку сегодня.

Кирилл презрительно фыркнул:

– Да кому она вообще нужна, эта музыкалка? – он замолчал на мгновение, прикуривая сигарету. – А хотя, знаешь что? Тащи лучше свою гитару в клуб, будем песни горланить во все горло! Юру Хоя, например, вот это будет красота! Зажжем по полной! А потом и на «дело».

А еще Кирилл, надо признать, был большим любителем похвастаться своими дерзкими делишками перед другими, упиваясь произведенным эффектом. Он чувствовал себя мудрецом, что объясняет несмышленным детям, как нужно правильно воровать. И вот эти «дети» с упоением слушали

и откладывали «полезную» информацию в своем сознании. Некоторые из нашей компании спрашивали советов у меня, но я лишь отмахивался от них. Крутой-то крутой, но вот моя скромность никуда не делась.

– Ну че ты! – он стукнул меня по плечу.

– Да, я возьму гитару, – только и смог ответить я.

Итак, мы уже подходили к моему дому. Кирилл попрощался со мной и легкой походкой отправился восвояси. Я машинально запрокинул голову вверх и зацепился взглядом за кухонные окна нашей квартиры. Затем перевел взгляд на окна гостиной и уже потом поглядел на окна своей комнаты.

Выдохнул – главное, пробраться в свою комнату незамеченным. Я обернулся назад и чуть улыбнулся утреннему солнцу, хоть от его лучей у меня поднималось настроение. Долго стоять около подъезда было бы глупо, поэтому решено было подниматься в квартиру. Кодовых замков и домофонов тогда не было – заходи, кто хочешь! По классике, кто-то разнес пару ни в чем не повинных почтовых ящиков, хорошо, что не наш. Пару секунд погрузился над судьбой почтовых ящиков и продолжил свой путь по ступенькам. 51

Вот и дверь моей квартиры. Меня кинуло в жар, а затем обдало холодным потом. Ну, делать нечего – уж не в подъезде же жить? Хотя эта мимолетная мысль показалась мне неплохой. К слову, меня еще ни разу не ловили на побеггах, а сегодня я что-то уж сильно распереживался! Вставив ключ в замок, я сделал два оборота, дернул ручку – меня встретила прихожая. Я на секунду замер – тихо. Отлично, можно ретироваться в комнату. Даже не знаю, сколько было времени, может, часов шесть утра. И, только я миновал коридор, как услышал:

– Доброе утро!

Я замер. Отец уже не спал, вот я дурень! Надо было приходить домой еще часа три назад, когда было темно. Я лишь выругался, но про себя, разумеется.

– Иди сюда, – попросил меня с кухни отец.

Я снова выругался, снова про себя. Придется идти, что уж поделать? Виновато опустив голову, будто бы пару часов назад совершил ужасное преступление, я вошел в кухню. Отец сидел за столом, попивая кофе. К бутербродам он не притронулся, видимо, особого аппетита не было. Я сел напротив и принялся ждать, что же он скажет.

– Жуй давай, – отец пододвинул ко мне тарелку. – К школе нужно подкрепиться.

Делать было нечего. Я взял бутерброд и откусил кусочек. Вкусно – отец знал толк в такой простой еде. Тонко нарезанный хлеб, немного кетчупа, сыр и докторская колбаса. Даже и не заметил, как схомячил половину бутерброда. Отец налил мне воды – не всухомятку же есть. После трапезы отец задал мне один-единственный вопрос:

– Где ты шляется?

Как гром среди ясного неба. Но надо сказать, что тон его голоса был обычным, никакой строгости. Я проглотил остатки бутерброда, запив его водой, посмотрел на отца. Со стороны я, наверное, выглядел жалко. Но, снова делать было нечего, я рассказал ему как есть. Гулял с Кириллом. Про «клуб» я решил промолчать и скорее всего, отец понял что я ему рассказываю не все как есть, но промолчал.

– Не выпивали?

– Нет, я не пью, разве от меня пахнет?

Ох, какая дерзость. Но я действительно не пил.

– Ты ходишь по очень скользкой дорожке, – продолжал отец. – Учеба скатилась.

Он был прав, я в последнее время как-то сдал свои позиции.

– Уходишь из дома, – отец сделал паузу. – Как бы Кирилл тебя на дно не потянул.

– Не потянет, – буркнул я.

– Был у меня такой друг, Федькой звали. Звали, потому что он уже несколько лет в сырой земле лежит. По молодости с ним делов натворили, только я остепенился, а он – нет. Убили в пьяной драке, – он вздохнул. – Двое ребятишек у него осталось, и жена до сих пор слезы льет. Созваниваемся с ней иногда. И, поверь, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Но и понимаю твой пыл. Просто не делай глупостей...

Я молчал, как и многие подростки, не всегда внимающие наставлениям родителей. Вот и я тогда, к сожалению, не прислушался к его словам, хотя и старался сделать вид, что внимательно слушаю.

– Ладно, – подытожил отец. – Собирайся потихоньку в

школу. Ты, в конце концов, виноват сам, что прогулял всю ночь.

– А можно мне...?

– Нет, – перебил он. – В школу и без разговоров.

Я встал с места и устало поплелся в ванную. Чуть прохладная вода придала мне бодрости. Стало лучше. После водных процедур встретил маму, которая выглядела так, будто не спала всю ночь, так же как и я. Она сидела на кухне, попивая кофе.

– Тебе тоже кофе? – спросила мама.

Я молча кивнул и уселся напротив нее за кухонным столом. Мама заботливо сварила кофе и для меня. Я не то чтобы очень любил этот бодрящий напиток, но он, по крайней мере, дарил немного энергии. А она мне сегодня точно понадобится, ведь у нас в школе контрольная по алгебре. И еще, мне предстоит мучительные раздумья о том, стоит ли идти с Кириллом сегодня вечером или все же разумнее будет бросить эту сомнительную затею. Ладно, самое главное сейчас – доковылять как-нибудь до школы, пережить эту контрольную и попытаться хоть немного впитать в себя этот самый флер знаний. Кириллу я звонить не стал, ведь знал, что он

видит уже седьмой сон. Еще несколько глотков кофе и надо выходить, а то опоздаю к первому уроку.

– Я очень стараюсь понять тебя. Ты ведь совсем юн, тебе гулять да гулять, – начала мама, – но ты ведь знаешь, как я за тебя волнуюсь. За тебя, за Оксану. Постарайся, пожалуйста, без глупостей.

– Разве ты не делала глупости?

Мама пожала плечами, ответив, что, когда ей было пятнадцать, она баловалась сигаретами. Но из дома не убежала. Идеальная посещаемость, подруги у нее не знали ни одного матерного слова. Девчонки ходили на всякие культурные мероприятия. Пару раз, безусловно, она приходила под шафе и пахнувшая сигаретами, но и на этом все. По итогу – золотая медаль, институт. И все, никаких проблем моя мама родителям не приносила. Никаких жалоб от учителей (жалобы будут на меня, но об этом позже). И я – подросток, тоже неплохо учившийся, скромный. Но, при этом, несмотря на свою скромность, связался с забиякой Кириллом. Побег из дома и, гвоздь программы – предстоящая крупная кража.

Родители у нас одни, а вот мы с Оксаной – совершенно разные личности. Честно сказать, тогда, подростком, я не чувствовал себя каким-то «ущербным», что ли. Оксана –

скромница,

на приключения не шла. Ровно, как и мама. А вот я такой, какой я есть! Мне нравится проводить время с друзьями, я считал их своей «дворовой семьей».

– Чего задумался? – выдернула меня из мыслей моя мама.

Я лишь пожал плечами, не находя, что ответить. Я попрощался с мамой. Уже в коридоре меня догнал отец, ласково потрепал по голове, тоже тепло попрощался и вышел из квартиры, спеша по своим делам. Минут через пять и я вышел вслед за ним, отправляясь в школу.

«Хм, я такой, какой есть?»

Я невольно задал этот вопрос сам себе, пиная при этом камешек, попавшийся под ноги.

Он, описав небольшую дугу, со свистом отлетел куда-то в соседний двор. Вот уж точно, прямо «на глазах» этого камня сейчас безвременно погибает великий футболист, которому так и не суждено было прославиться. А какой я есть? Действительно ли мне нужна вся эта крутость и проделки? Как предстоящая кража, например? Кто я настоящий?

Мои размышления были прерваны резким хлопком по плечу. Я невольно вздрогнул от неожиданности и обернулся, увидев своего приятеля – одноклассника Антона, лучезарно улыбающегося своим беззубым ртом. У него не хватало двух передних зубов – досадное последствие его недавней, но весьма ожесточенной схватки с Данилом из параллельного класса.

А причиной этой нешуточной драки послужила Полина Новикова – настоящая звезда нашего класса. Высокая, стройная и, что греха таить, уже не по годам развитая юная девушка, привлекающая к себе внимание всех мальчишек. Но самое главное, в Полине были положительные человеческие качества, внешность уже второе. Я иногда наблюдал за ней, как она на переменках утыкается в книгу и читает нотации старшим пацанам, чтобы не трогали младших. И ведь слушали ее и отставали. Или же, она отдаст свою порцию однокласснице, которая не ела со вчерашнего вечера – проблемная семья. Деликатно, вежливо отказывает парню в свидании, говоря о том, что ей надо учиться. Полина была действительно очень умной, а еще обожала рисовать. Некоторые девчонки частенько просили написать их портреты. Просто так, бесплатно, на совесть. А потом это заметили некоторые учителя и, аналогично, просили написать их портреты.

Недавняя случайная встреча окончательно убедила меня

в том, что Полине ровесники неинтересны. Однажды, выходя из школы, я услышал знакомый залиvistый смех. Подняв глаза, я увидел, как моя одноклассница Полина лобызается с каким-то парнем – явно постарше, но ненамного, всего на пять лет. А рядом с парочкой стояла новенькая, блестящая иномарка. Я вышел из ворот, не планируя привлечь к себе лишнее внимание, но Поля меня заметила и выкрикнула мое имя. Я остановился, выдохнул, натянул свою самую обворожительную улыбку и помахал парочке.

– Иди к нам, – зазывающе помахала мне Полинка.

– Да я в музыкалку опаздываю! – крикнул я, что было абсолютной правдой.

– Так мы тебя подбросим! – не отставала она.

Ладно, всё-таки, это было лучше, чем шлепать по осенним лужам. Я подошел к парочке и протянул руку парню, озвучив свое имя. Бойфренд Полины закрепил рукопожатие, представившись Максом. И тут мой взгляд зацепился за его кожанку, которую на улицах нашего города было не сыскать. Только, наверное, в центре или вообще в Москве. И «шусты» на его ногах были что надо! Стильный парень, что уж тут сказать. Через пару минут мы уселись в авто и тронулись. В салоне пахло свежестью, видно было, что машине и недели

нет. А еще я поглядывал за Полькой.

Одноклассница, игриво перебирая своими пальчиками по коленке избранника, что-то шептала ему на ухо. А Максим, словно огромный, сытый котяра, довольно лыбился, сосредоточенно глядя на дорогу. А я молил, чтобы меня уже скорее довели до школы – не люблю я все эти телячьи нежности. Честно говоря, я пока не представлял себя с кем-то. Быстрое наслаждение – да, это вполне себе естественно для ребят моего возраста. Но про чувства к кому-то я не думал. Когда мама с сестрой смотрели романтическое кино, я закрывался в комнате, искал кассету «Metallica», вставлял ее в плеер и просматривал книгу под композицию «One».

– На чем играешь? – неожиданно спросил меня Макс.

– На фортепьяно. Раньше в хоре пел. Но голос сломался, так что перешел на трубу.

Водитель присвистнул. А Полина сказала что-то вроде:

– Вот! Смотри какой у меня талантливый одноклассник!

– Уважаю, – кивнул Макс и вырулил на чуть более оживленную дорогу. До места назначения оставалось минут десять. – Тоже пробовал подружиться с музыкальными инстру-

ментами, но так ничего и не вышло.

– Но я музыкой, не то чтобы горю, – признался я, добавив, – это воля родителей, а я не смею им перечить.

– Да, это распространено. Родители хотели стать музыкантами, но не получилось. Почему бы не воплотить свою мечту через ребенка? А ты-то сам чем хочешь заниматься?

Я задумался, и в голову ничего не лезло.

– Не знаю, как-то не думал об этом.

– Ничего. Ты совсем еще зеленый. Я вот выбрал свое дело. Мы с другом работаем в ресторане моего отца, в Москве. За все я благодарен только ему и моему дяде. Они меня к этому подтолкнули, – он сделал паузу. – Дядя живет за бугром. Так вот, он все уши моему батю прожужжал про то, чтобы тот открывал свой ресторан. Отец ведь замечательно готовит, сколько себя помню. Дядя прилетел даже и помог со стартом. Все сложилось как нельзя лучше! Отец пару лет назад из объедков мог сделать великолепия, и я не шучу! Что ты думаешь, – он на миг обернулся на меня и затем снова уставился на дорогу. – Я родился здесь, в Надыме. А сейчас живу в Москве. Работаю, получаю неплохо. Машину дядька подарил, все-таки, зарплата моя не такая уж и большая.

– Клево! – закивал я.

И подумал о том, что внешность обманчива. Я-то думал, что это бандюга какой-то. Или важная мажористая шишка в Надыме, о которой я не знал. А тут вот как получилось.

– Лоботрясом был еще тем. А потом просто понял то, что надо что-то делать. Да и друзья мои, вскоре, после школы, массово начали перебираться кто в Тюмень, кто в Москву. Один мой друган сейчас – талантливый врач. А другой – фотограф. Ну, сейчас же модно всякое такое.

Слушая его, я все больше убеждался в том, что все эти «тусовки» мне не нужны. Максим и мой отец добились своим трудом успеха.

Тут с переднего сидения обернулась Поинка и заявила:

– Максим обещал дать мне попробовать все блюда, представляешь!?

– Круто, – улыбнулся я.

– У тебя, наверное, вопрос, сколько мне лет? – он достал из кожанки пачку сигарет и закурил. Теперь он был похож

на актера из американского романтического боевика.

– Ну не знаю, – я пожал плечами.

Полинка, хихикнув, ткнула своего бойфренда пальчиком в плечо. Максим озвучил свой возраст – ему девятнадцать. А еще зачем-то он добавил, что до свадьбы с Полиной «ни-ни». После этих слов одноклассница засияла, словно начищенный самовар. А я невольно вспомнил строчки песни Виктора Цоя:

«...Мамина помада, сапоги старшей сестры,

Мне легко с тобой, а ты гордишься мной.

Ты любишь своих кукол и воздушные шары,

Но в десять ровно мама ждёт тебя домой...»

Только не восьмиклассница, а девятиклассница.

За приятной беседой время пролетело быстро, и вот автомобиль остановился у моей музыкальной школы. Мы тепло попрощались, и я неспешно побрел на занятия. В жизни порой случается так, что возможность сама тебя находит. Как, например, у Максима: подвернулся

влиятельный родственник и открыл перед ним новые горизонты, да еще и машину шикарную подарил. Теперь у нас в городе новая звезда нарисовалась. Вот такая встреча, которая, можно сказать, встряхнула меня.

А пока, возвращаемся в сегодняшнее не бодрое утро. Антон активно рассказывал мне о том, какой альбом он купил для Полины. Как он подрабатывал после школы, чтобы только на него заработать. Бедняга. Ну и что мне делать? Стоит ли рассказать ему все как есть, выложить всю правду и добиться того, чтобы он отстал от Полины и перестал докучать ей своими назойливыми и совершенно ненужными ухаживаниями?

– После этого подарка она точно пойдет со мной на танцы, а может, и вообще поженимся в будущем! – все не унимался одноклассник.

И тут я выдал то, чего сам не ожидал. Как я и рассказал выше, не нравились мне все эти телячьи нежности. По телевизору это выглядело как-то нелепо, что ли. А тут я лично общаюсь с человеком, который испытывает чувства к девочке. И я, как казалось, вообще не мог дать ему какой-то житейский совет. А тут я сказал таким серьезным тоном, что даже испугался самого себя:

– Послушай, Антон. Тебе не кажется, что ты пытаешься ее купить? Сделать подарок с расчетом на свидание.

Мои слова застали Антона врасплох. Он от неожиданности резко остановился и ошарашенно посмотрел на меня. Но я, не давая ему опомниться, продолжил свой монолог, прихватив одноклассника за рукав куртки. Мы опаздывали на уроки.

– Приятнее, наверное, получить от человека взаимность, ведь так? А то так получается, что вы подрались с Данилом ради несбывшихся надежд.

Антон вырвался и сквозь зубы сообщил, что не нужно его держать за рукав. Я его отпустил. Так мы и дошли до школы, и я чувствовал, как друг потихоньку начинает осознавать сказанное мной. А уже в раздевалке, плюхнувшись на скамью, я подытожил:

– Это все выглядит так, будто ты намеренно заставляешь себя испытывать душевные переживания. Твоя недавняя драка... А если бы Данил тебя до смерти забил?

– Да не получилось бы, я гораздо сильнее его!

– А зуба лишился, – хмыкнул я. – Так вся жизнь в страданиях и пройдет. Лучше бы по учебе подтянулся... И потом, я не раз замечал как Машка на тебя смотрит, – я завертел головой и взгляд зацепился взглядом за Машу Жукову. Та украдкой подняла голубые глаза на наш дуэт.

Отличница, с длинной золотистой косой до пояса. Тихая, скромная девочка, лишней раз голоса не подавала, но и предметом насмешек никогда не была. Вообще наш класс всегда был очень дружным, сплоченным коллективом, в отличие от параллельного, который, к сожалению, был лишен такой ценной черты. Только Кирилл иногда чудил, но на двадцать человек один хулиган – это чих, пустяк. Так что, наша Маша оставалась в полной безопасности.

– Да я как-то и не обращал внимания, – признался Антон, всунув стопы в потасканные сменные кроссовки.

– Потому что смотришь на другую.

Антон еще раз посмотрел на Машу, и на его губах появилась легкая улыбка. Кивнув однокласснице, он вышел из раздевалки, позвав меня с собой. Прозвенел звонок. Мы послушно остались на месте, у кабинета алгебры, ожидая нашу учительницу, Ольгу Петровну. Ее опоздание было удивительным явлением, ведь прежде она себе не позволяла за-

держаться даже на пару минут! Хм, ну, может, автобус задержался или в затор попал.

– Прошу прощения, господа, – обратилась она к нам, откупоривая массивную деревянную дверь кабинета и приглашая нас внутрь.

Человек, рожденный в конце семидесятых, хорошо помнит, как выглядели школьные кабинеты в начале девяностых. Когда заходишь в кабинет, в нос ударяет запах пыли и мела. Тусклое освещение от люминесцентных ламп под потолком. Деревянные, двухместные парты, часто исписанные ругательствами, формулами, признаниями в любви и рисунками. На крышках парт иногда оставались царапины от перочинных ножи́ков. Стулья жесткие, в основном, с расшата́нными ножками. Учительский стол, казалось, занимал половину кабинета.

При взгляде на него, у некоторых учеников начинался приступ тахикардии. Глобус был обязательным атрибутом в кабинете географии. Шкафы, большая школьная коричневая доска, донельзя исписанная мелом. Тряпка, которая, кажется, была знакома с самим Лениным. Кстати, его бюст тоже мог стоять в некоторых кабинетах. Герань, хлорофитум на

подоконниках, за которыми ухаживали дежурные. На стенах висели портреты классиков, внимательно глазевших на учеников. А может, и не внимательно – скорее, всё же равнодушно. В некоторых кабинетах уже появлялись первые компьютеры (чаще всего один на весь кабинет информатики) и видеомэгафоны, предвещавшие новые возможности для обучения.

Я до сих пор вспоминаю школьную пору с улыбкой, ведь это целый жизненный этап. Легкость и беззаботность бытия. А еще – записки. Кто из вас не передавал их своему другу однокласснику или понравившейся девчонке? Сейчас, будучи взрослым, я тоже вспоминаю это с теплотой.

Итак, после уроков я заметил, как мой приятель Антон с улыбкой воркует с той самой одноклассницей Машей. И знаете, я был очень рад этому, почувствовал себя купидоном, что ли. Снова забегаю вперед, я скажу, что Антон с Машей поженились, и у них родилась двойня. Вот такая вот история. Вернусь к себе. После уроков я отправился за гитарой, а затем к Кириллу. Мы и вправду погорланили Хоя, а затем отправились на «дело». Честно говоря, колени тряслись, и в целом предчувствие было очень плохое. И да, интуиция меня не подвела. Пока мы шли, мой приятель говорил мне про свой план. Сделать нужно было вот что – отвлечь продавца. Мне нужно было как-то увести его с точки, пока мой одно-

классник будет воровать обувь.

Рынок пестрил разными красками и товарами. Челночники зазывали покупателей, а люди удивленно рассматривали кеды или джинсы. Кирилл был абсолютно спокойным, было ощущение, что он уже профессиональный вор в законе, не знаю, как это объяснить. Ему на вид было совсем не страшно. Мы не спеша прогуливались по торговым рядам и, наконец, мой приятель кивнул на нужную точку. Кроссовки, видно что «фирма». Найк, адидас, ну любо-дорого смотреть. Продавец в этом торговом ряду показалась на первый взгляд довольно приятной женщиной. В итоге, так оно и вышло на

самом деле. Честно говоря, мне было очень ее жаль, ведь стоимость украденных кроссовок вычтут из ее зарплаты. А на дворе девяностые, сами понимаете, время было очень голодное и тяжелое для всех.

– Может, не надо? – прошептал своему приятелю я.

– Да ладно тебе, мы же не «девятку» угоняем. Подумаешь, пара кроссовок.

Я вздохнул. Как же мне дурно стало, вы просто не представляете. И да, я готов к осуждениям. Кирилл включил своё обаяние. Женщина принялась показывать товар, а он с инте-

ресом разглядывал его. Видимо, нужную обувь на прилавке он не нашел, зато заметил отложенную пару за прилавком. Я же начинал играть свой спектакль.

– Извините, – обратился я к женщине.

– Здравствуй! Хочешь узнать про товар?

– Нет, ну то есть да, – соврал я. – Просто тут такая ситуация... Вы мне не можете?

– Конечно, что случилось?

Я до сих пор корю себя за это...

– Мне нужно выбрать подарок для своей подруги, туфли нужны, – сказал я, зная, что их продавали чуть дальше. – А я вообще ничего не понимаю в этом.

Женщина улыбнулась и заверила, что поможет мне выбрать самые красивые туфли из всех. Итак, мы подошли к этому разделу с обувью. Женщина искренне хотела мне помочь. Вот именно это меня и гложет по сей день! Ведь это низко – делать плохо искреннему человеку, который дарит тебе свою улыбку и соглашается помочь. А сейчас, в нашем двадцать первом веке, таких людей очень и очень мало. При-

чем, помогает человек реально как нужно, а не от балды. Это очень грустно, ибо человеку проще скрыть свои эмоции под маской.

– Как тебе вот эти? – спросила она, демонстрируя мне черные туфельки. – Ну ты, наверное, не знаешь, какой у твоей подруги размер ноги.

Я ляпнул первое, что пришло в голову:

– Тридцать седьмой.

– Ну это точно судьба! – заулыбалась женщина. – Вот эта демонстрационная пара как раз такого размера.

Я криво улыбнулся и кивнул, забирая у женщины пару туфель на осмотр. Затем взглянул на Кирилла, и вот здесь у меня был выбор. Потребовать приятеля поставить кроссовки на место и угомониться уже, так как такое дело наказуемо. Если мы не успеем сбежать, то у нас будут проблемы. Или же, просто закрыть на это глаза. Тогда я выбрал второе. Кирилл очень быстро схватил пару и, крикнув мне, пустился наутек. Я же как можно аккуратнее поставил пару туфель на место и, так же быстро извинившись, побежал вслед за Кириллом. Криков женщины я не услышал, ну знаете, из серии «грабят, молокососы». Может, это не первый инцидент на ее

точке. А может, она решила просто не привлекать к нам внимания. Хотя, пару мужчин погнались за нами, но мы оказались проворнее. Отдыхались мы уже в подъезде Кирилла.

– Фух, скажи же, зачетно вышло? – с ухмылкой спросил он, прикуривая сигарету.

Я же лишь вяло кивнул. Вроде как и адреналин получаешь, но делаешь людям плохо. Отбираешь их честно заработанные деньги! Я не понимал, зачем Кириллу понадобилось красть? Ведь его отец имел стабильный доход и мог порадовать

своего сына обновкой. Позже я понял, в чем дело. А пока, мы спешно попрощались. Я побрел домой, уже опустились сумерки. Зимой это происходит в одно мгновение. Я думал о той женщине. Безумно жаль ее, ведь, возможно, у нее дома дети, которых надо кормить. А Кирилл бездушно отнял их. Поднимаясь домой, я решил – возьму завтра деньги и куплю у этой женщины несколько пар обуви. Более того, я принял решение о моральной компенсации для нее. Время еще позволяло, и я, взяв деньги, отправился обратно. Шаг был быстрым и уверенным. По приходу, к счастью, та женщина все еще не ушла. Она выглядела грустной, задумчивой.

– Извините, – вновь обратился я к женщине.

Та, подняв на меня глаза, лишь усмехнулась, словно я сказал что-то глупое, и продолжила свои дела, перебирая пары обуви. Эта усмешка задела меня. Что она хотела этим сказать? Неужели я настолько нелеп в своих попытках заговорить с ней?

– Что тебе еще нужно, пацан? – ее глаза вспыхнули адским пламенем.

Мне стало как-то не по себе, но дело завершить нужно. Нервно выдохнув, я объяснил, что хочу загладить вину. Даже несмотря на то что вором был не я. Хотя, соучастники тоже являются преступниками. Я знал, что должен сделать это, чтобы очистить свою совесть. Чтобы доказать себе, что я не такой, как Кирилл.

Взгляд женщины после услышанного как-то смягчился. Она присела на стул, словно тяжесть внезапно навалилась на плечи, и, опустив глаза, призналась, что сегодня у ее мужа день рождения. Голос ее дрогнул, и я почувствовал, как внутри меня что-то надломилось. Все сразу стало на свои места. Украденные Кириллом кроссовки, наверное, были подарком. Эта женщина, сидящая передо мной, переживала не только потерю вещей, но и разрушение чего-то важного, личного, связанного с близким человеком. В голове промельк-

нули мысли о своей матери, о своей семье. Как бы я себя чувствовал, если бы на месте этой женщины оказалась она? Как бы я переживал, если бы у моего отца украли подарок, предназначенный для мамы?

Эта мысль заставила меня содрогнуться. Я понимал, что совершил ошибку, связавшись с этим Кириллом. И сейчас, глядя на эту женщину,

я чувствовал себя последним подонком. И тут я решил, что нужно делать. Я отправлюсь к Кириллу и потребую обувь назад! Прямо сейчас! Хватит прятаться и трусить. Хватит заниматься полумерами. Нужно действовать решительно. Эта мысль, словно молния, пронзила мой разум. Словно груз свалился с плеч. Я почувствовал прилив сил и уверенности. Больше никаких сомнений, никаких колебаний.

– Я верну кроссовки! – выпалил я. – Только не уходите никуда, хорошо?

Женщина не увидела моих сверкающих пяток. Она, казалось, была слишком погружена в свои мысли, чтобы заметить мой внезапный порыв. Я побежал к Кириллу, чувствуя, как адреналин закипает в крови. Я представлял себе эту встречу по-разному. Как он будет сопротивляться, как будет отнекиваться, как будет пытаться меня запугать. Но

я был готов ко всему. Я знал, что правда на моей стороне. Знал, что делаю правильное дело. И это давало мне силы.

Улицы города мелькали перед глазами. Я бежал, не замечая никого и ничего вокруг. В голове была только одна мысль: вернуть кроссовки. Чуть позже я уже стоял у двери своего приятеля. Поднял руку, чтобы нажать на кнопку звонка.

Сомнения вновь попытались подточить мою решимость. Что я скажу? Как он отреагирует? Не станет ли только хуже? Хватит! Муж той женщины получит в подарок кроссовки!

– С какой это стати я должен возвращать кроссовки? – надменно спросил Кирилл, скрестив руки на груди.

В его голосе сквозила насмешка, а во взгляде – явное превосходство. Мы стояли в коридоре – дальше он меня не пустил. Обшарпанные обои, тусклый свет, запах старой мебели – все это создавало удручающую атмосферу. И в этом мрачном окружении Кирилл казался еще более наглым и уверенным в своей правоте.

– Ты же знаешь, что это неправильно, – пытался я убедить

его. – Мы украли эти кроссовки. Это низкий поступок.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Кирилл. – Чего ты вдруг таким правильным стал? Тебе же самому было весело, когда мы их «добыли».

– Мне не было весело, – возразил я. – Я чувствую себя виноватым. И я хочу это исправить.

– Ну и исправляй, – пожал плечами Кирилл. – Иди, купи ей новые кроссовки. Какое мне до этого дело?

– Это ты должен их вернуть, – настаивал я. – Ты их носишь.

– Ну и что? – усмехнулся Кирилл. – Мне они очень нравятся. И я не собираюсь их отдавать.

– А представь, если бы какой-то упырь угнал твою любимую «девятку»? – это пришло мне в голову совершенно случайно, но к месту. – Что бы ты делал? Было бы обидно, правда?

Кирилл хмыкнул, всем своим видом демонстрируя пренебрежение. А я услышал шарканье и бормотание его отца, приближающегося из глубины квартиры.

Это был мой шанс, и я решил немного повысить тон своего голоса, что сыграло мне на руку. Кирилл нервно выглянул из-за дверного проема, видимо, он не хотел разборок. Прощипев мне, что сейчас я получу эти «сранные» кроссовки, он отправился в комнату.

Через несколько минут приятель кинул в меня обувью и не попрощавшись вытолкнул меня за дверь. Дело сделано, но что теперь будет с нашей дружбой?

«Не так трудно умереть за друга, как найти друга, который стоил бы того, чтобы умереть за него».

– Эдвард Бульвер-Литтон

А что же будет со мной в школе? Вызовут родителей, отругают перед всем классом, а может, и вовсе выгонят... Город маленький, думаю, женщине не составит труда найти моих родителей. Тьфу, пока не об этом надо думать! Сейчас главное – исправить то, что я натворил. Нужно скорее бежать обратно и вернуть женщине то, что принадлежит ей. Зачем я только позарился на это?

Желание быть крутым ослепило меня, и я чуть не совершил ужасную ошибку. Сердце обжигало чувство стыда и ви-

ны. Я бежал так быстро, что чуть не сбил с ног своего соседа дядю Пашу, который, как всегда, ковылял домой после работы.

– Простите! – обернулся я, чувствуя, как краснею.

Дядя Паша только махнул рукой, что-то проворчал себе под нос, но я не стал останавливаться,

боясь потерять драгоценное время.

Торговые ряды скоро закроются. Интересно, женщина всё ещё там? Будет ли она ждать меня, надеясь на чудо? Или уже ушла, потеряв всякую надежду? Я молился про себя, чтобы она была на месте. Я бежал, не чувствуя ног, проклиная свою слабость и жадность. В голове мелькали образы: заплаканное лицо женщины, её потерянный взгляд, дрожащие руки. Я должен всё исправить, я обязан вернуть ей то, что украл.

Наконец я увидел торговые ряды. Они почти опустели, продавцы спешно собирали свой товар. Сердце бешено колотилось, я искал её глазами, но нигде не мог разглядеть знакомую фигуру.

– Нет, пожалуйста, – прошептал я, задыхаясь от одышки и отчаяния. – Только бы она была здесь...

Я побежал дальше, высматривая её среди последних оставшихся палаток. И вдруг в самом конце ряда я увидел её. Женщина стояла, опустив голову, и тихо плакала.

Надежда вспыхнула во мне с новой силой. Я подбежал к ней и, задыхаясь, протянул ей деньги

с пакетом обуви.

– Простите меня! – выпалил я. – Я был не прав! Возьмите, это ваше!

Она подняла голову и удивлённо посмотрела на меня. В её глазах читалось недоверие, но и надежда, которая медленно пробивалась сквозь пелену горя. А потом её лицо озарила улыбка. Сначала робкая, неуверенная, но с каждой секундой всё шире и добрее. Эта улыбка, словно солнце, выглянувшее из-за туч, осветила её лицо, сделав его снова живым и прекрасным. Она была такой искренней и тёплой, что мне стало неловко за свою низость. Я смотрел на неё, и чувство стыда с каждой секундой сжигало меня изнутри. Я понимал, какую боль причинил этой женщине, какую надежду чуть не отнял.

– Боже мой, мальчик мой, – произнесла женщина дрожащим голосом. – Неужели это правда?

Я кивнул, не смея поднять глаз.

– Спасибо тебе, милый, спасибо! – она протянула руку и коснулась моей щеки. – Ты вернул мне не только деньги, но и веру в людей.

– Простите меня, – прошептал я, опустив голову. – Я был не прав. Я больше так не буду.

Женщина вышла из-за прилавка и обняла меня. Её объятия были тёплыми и искренними.

– Всё хорошо, милый мальчик, – сказала она. – Всё в прошлом. Главное, что ты всё понял и исправил свою ошибку.

Я шёл домой, осмысливая произошедшее. Мои руки, как всегда, были в карманах, и я привычно перебирал мелочь. Из-под моих ботинок, как обычно, вылетали камешки, отскакивая в стороны и издавая тихий шорох. Этот звук, такой привычный, сейчас казался каким-то фальшивым. Будто всё вокруг: обыденная жизнь, улица, дома, люди – живёт своей жизнью, а я вырвался из неё, запятнав себя грязным поступком.

Я старался не думать о том, что произошло, но воспоминания

хания навязчиво лезли в голову.

– Эй! – окликнул меня знакомый голос.

Я обернулся и увидел идущего за мной Игната – парня из параллельного класса, который часто захаживал в наш «клуб».

– Привет, – бросил я и пошел дальше.

– А ну стой! – крикнул он, обгоняя меня и преграждая мне путь.

Игнат был выше меня на голову и выглядел довольно решительно.

– Что тебе нужно? – спросил я, смотря на него исподлобья. Игнат закурил и, выпуская кольца дыма, ответил:

– Я слышал, ты соскочил.

– С чего? – не понял я.

– Кирилл все рассказал. Плохо ты поступаешь. Вы пошли на дело вместе, а в итоге ты возвращаешь то, что принадлежит ему. Не порядок.

И тут я просто взорвался. Как это не порядок? Обувь принадлежит женщине, а не местному крутому пацану по имени Кирилл!

– Слушай, – хотел подытожить этот бессмысленный диалог я. – Кирилл сам отдал мне обувь, и мы на том и порешили. Это в прошлом.

И тогда Игнат словно обезумел! Его лицо исказилось от гнева, глаза налились кровью. Я не успел опомниться, как он обрушил на меня град ударов.

Игнат ударил меня кулаком сначала в нос, затем в губу. Боль пронзила всё тело, и я пошатнулся. Из носа хлынула кровь, заливая лицо. Я попытался защититься, но он был сильнее и быстрее. Он безжалостно бил меня, не давая опомниться. Я упал на землю, пытаюсь закрыть голову руками. Когда я потерял сознание, парень успокоился и, оглядевшись по сторонам, пустился наутек. Очнувшись, я так и остался лежать на холодном, влажном асфальте, рассматривая темное небо.

Безумно хотелось спать. Каждая мышца ныла, каждая косточка протестовала. Веки слипались, а сознание ускользало в сладкую, манящую темноту.

Земля казалась такой мягкой и уютной, что хотелось просто лечь и забыться. Но я начал прилагать усилия. Нельзя поддаваться слабости. Нельзя засыпать здесь, на улице, в этом грязном и холодном месте. Кое-как поднявшись, опираясь на стены домов и стараясь не привлекать внимания, я побрел домой, заранее зная, как отреагируют родители. Вопросы, причитания, отчитывания, обвинения в том, что я связался с дурной компанией... Всё это тяжким грузом давило на меня, еще больше усугубляя и без того плачевное состояние. Я представлял, как мама ахнет, увидев меня в таком виде, как она начнёт причитать и плакать. Отец, скорее всего, разозлится и начнет расспрашивать, кто это сделал, чтобы «по-мужски» разобраться. Объяснять им что-либо сейчас казалось непосильной задачей. Как объяснить, что всё это – расплата за собственную глупость? Как объяснить, что на самом деле я всё это заслужил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.